

МОВИ ТА ЛІТЕРАТУРИ

Н. С. Васьків

ТУРКМЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В УКРАИНСКИХ ИЗДАНИЯХ*

Туркменская литература долгое время оставалась для украинского читателя terra incognita. Если русскоязычный читатель имел возможность познакомиться с образцами классической туркменской литературы еще до Октябрьского переворота, а с произведениями туркменской советской литературы – с 30-х годов прошлого века, то первые переводы на украинский язык появились в 1953 году. Почему именно в этом году – есть объяснение: накануне 300-летия так называемого воссоединения Украины с Россией на Переяславской раде 1654 г. запускались всевозможные пропагандистские проекты, среди них и хорошо финансируемые переводы на украинский язык произведений народов СССР как средство укрепления союзного единства. Несмотря на откровенно идеологическую подоплеку такого переводческого проекта, он имел несомненный позитивный эффект, так как давал возможность расширить межкультурные связи, открыть для украинского читателя ранее не известные имена выдающихся мастеров литературы и их лучшие произведения. С этой целью за несколько лет до юбилея создавались отдельные переводческие группы по каждой республике. Состояли эти группы преимущественно из известных писателей, значительно реже в их состав входили профессиональные переводчики, которых тогда в Украине было очень мало. Впрочем, едва ли не лучшими переводчиками были как раз известные писатели.

Можно предположить, что группу писателей, которые переводили произведения туркменских литераторов, возглавлял Леонид Первомайский – известный поэт, драматург и прозаик, а также один из лучших украинских переводчиков всех времен, в том числе и с тюркских языков. Кроме того, до и после войны он неоднократно бывал в республиках Средней Азии, в частности и в Туркмении. Именно из-под его пера в уже упоминаемом 1953 году вышел перевод широкого эпического полотна Берды Кербабаяева – романа “Вирішальний крок” (“Решающий шаг”) [Кербабаяев 1953]. Именно с этого перевода обозначился основной недостаток подобных изданий туркменской литературы в Украине, значительно проигрывая переводам на русский язык: переводчики не владели совсем (или владели в недостаточной мере) туркменским языком, поэтому ретранслировали тексты на украинский через посредство русского языка, с русских изданий, т. е. переводили уже однажды переведенное. Это касается всех без исключения изданий, о которых речь пойдет дальше. Касается это и перевода романа Б. Кербабаяева, сделанного Л. Первомайским. Надо отдать должное: и Леонид Первомайский, и остальные переводчики 50-х годов честно указывали, с каких русских изданий они переводили. Эту традицию поддерживали и большинство переводчиков последующих десятилетий. Хотя не все. Некоторые хитрили и указывали: “переклад з туркменської” – не называя издания оригинала, а ведь туркменским языком они не владели или владели очень слабо.

* Первісно стаття готувалася для видання в Башкирії, де й був опублікований її скорочений варіант (Туркменская литература в украинских изданиях / Н. С. Васьків // Проблемы востоковедения (Уфа). – 2014. – № 4. – С. 80–86), тому була написана російською мовою.

Леонид Первомайский не случайно избрал для перевода именно этот роман классика туркменской литературы. Во-первых, тема революционных преобразований была очень популярна во всех республиках Союза, ее усиленно пропагандировали идеологи разных уровней. Значит, “Решающий шаг” был “идеологически выдержанным”. Во-вторых, под видимой идеологической выдержанностью скрывалось воссоздание запутанных перипетий утверждения советской власти в Туркменистане, сложных взаимосвязей борьбы за национальное и социальное освобождение, что было очень близким и для украинского читателя.

В издании не было предисловия или послесловия, но после текста произведения подавалась краткая информация без указания автора о туркменском писателе [Берди Кербабаяев 1953], в которой сообщалась биография, приводился перечень произведений, а также информация об общественно-политической деятельности Берды Кербабаяева. Важным для указанного издания был коротенький текст на отдельной странице о том, что «Постановлением Совета Министров СССР Берды Мурадовичу Кербабаяеву за роман “Решающий шаг” присуждена Сталинская премия второй степени за 1947 г.» [Берди Кербабаяев 1953, 2]. Стоит отметить, что роман Б. Кербабаяева был единственным из трех изданий 1953 года, вышедшим в твердом переплете (возможно, это объясняется тем, что он значительно больше по объему по сравнению с остальными).

С легкой руки Л. Первомайского Кербабаяев стал самым издаваемым в Украине туркменским писателем. Роман “Решающий шаг” получил хорошие отзывы в украинской читательской, писательской, партийной среде, поэтому еще дважды переиздавался в Украине – в 1972 и 1983 годах (все в добротных твердых переплетах). В книге 1972 года появилась обширная вступительная статья Хангулы Тангрибердыева “Караванбаши туркменской советской литературы”, в которой детально характеризовался жизненный и творческий путь туркменского классика, а также в подробностях анализировались идейно-художественные особенности романа “Решающий шаг” [Тангрибердыев 1972].

Кроме того, в 1953 году вышли две небольшие по объему книги – переводы туркменских произведений, также через посредство русскоязычных изданий и также в Государственном издательстве художественной литературы. Первая из книг – три рассказа Нурмурата Сарыханова “Книга”, “Последняя кибитка” и “Белый дом”, а название ей дал второй из рассказов [Сарыханов 1953]. Переводчиком стал уже известный на то время прозаик-фронтовик Юрий Мокриев. Как и в издании романа Б. Кербабаяева, здесь тоже была биографическая справка о писателе [Нурмурат Сарыханов 1953]. Рассказы “Последняя кибитка” и “Белый дом” по тематике перекликались с “Решающим шагом”, значит, были близки и украинскому читателю: в них повествовалось о преобразованиях в жизни туркмен в первое послереволюционное десятилетие. В отличие от романа Кербабаяева, эти рассказы воспроизводили отдельные эпизоды из жизни умудренного опытом, но ретроградного приверженца адата старого Комека-аги и его жены Огульгерек-едже, которые, тем не менее, постепенно вовлекаются в новую жизнь – перебираются из кочевой кибитки в новый “белый дом”. Противостояние старого и нового, постепенный переход к новому нашли свое отражение в иллюстрации на титуле обложки: в традиционное туркменское селение, к его жителям в национальной одежде, приехал грузовик как символ прогресса.

Рассказ “Книга” выдерживает интригу до конца: необразованный туркмен за проданную верблюдицу вдруг покупает старинную рукопись, не умея ее читать. Уже после революции рассказчик, увидев эту книгу, неимоверно увлекся ею, две недели переписывал ее. И только в конце рассказа мы узнаем, что эта рукопись действительно бесценна – в ней записаны произведения великого Махтумкули (Магтымгулы).

На мягкой обложке второй книги – украинского издания, наверное, самой популярной пьесы Гусейна Мухтарова “Честь семьи (Семья Аллана)” [Мухтаров 1953] – нет иллюстрации, но она обрамлена традиционным узором текинского ковра. Перевел пьесу на украинский язык известный еще с конца 1920-х годов прозаик Александр Копыленко, как и Л. Первомайский, классик украинской литературы XX века. Переводчика и читателей привлекла история семьи, которая активно включилась в строительство новой Туркмении, но культивировала гуманистические идеалы адата. Это небольшое издание имело свое продолжение в украинской литературе: перипетии классического произведения отечественной драматургии – пьеса Алексея Коломийца “Дикий Ангел”, постановка которой была удостоена Государственной премии СССР в 1980 году, – удивительно похожи с перипетиями драмы Гусейна Мухтарова.

К юбилею 1954 года была опубликована во все том же издательстве, что и предыдущие произведения, повесть Берды Кербабаяева “Айсолтын из страны белого золота” [Кербабаяев 1954]. В конце книги прилагалась биографическая справка о писателе, опять же без указания автора, которая была дословным повторением справки из уже упоминаемого издания романа Кербабаяева “Решающий шаг”. Перевел книгу на украинский язык известный на то время (но почти не известный никому сейчас) переводчик с русского языка Григорий Кулинич. От этого издания начинается традиция переводить туркменскую прозу профессиональными работниками этого непростого дела. Мягкую обложку книги украшает силуэт молодой красивой туркменки в национальной одежде на фоне озаренного солнцем хлопкового поля.

Почему опять издавалось произведение уже печатавшегося в Украине автора, сразу станет понятно после чтения второй страницы, на которой традиционно сообщалось, что за эту повесть писатель был удостоен Сталинской премии третьей степени за 1950 год. Кроме того, украинскому читателю и официозу были близки основные коллизии повести: героиня произведения имела реального прототипа – Героя Социалистического Труда Айсолтын Рахмонову, известного хлопководом. Также читателей не могло не привлечь то, что речь шла не только о трудовых свершениях Айсолтын, но и о внутреннем мире гордой и нежной женщины, отстаивающей свое равноправие и свою любовь. Показательно, что приблизительно в то же время была опубликована повесть классика украинской литературы Олеса Гончара “Микита Братусь” (1951), прототипом главного героя которой был известный садовод Михаил Сидоренко. Между двумя произведениями недвусмысленно прослеживалось типологическое сходство.

После юбилейных мероприятий интерес украинских издательств к туркменской литературе значительно охладел. Но в 50-е годы все-таки увидел свет еще один перевод туркменского произведения. Имеется в виду роман Аты Каушутова “У подножия Копет-Дага”, увидевший свет в 1957 году в твердом уже переплете и снова в Государственном издательстве художественной литературы [Каушутов 1957]. Роман о жизни послевоенного колхоза в духе теории бесконфликтности был привычным для советской, в том числе и украинской, литературы того времени, поэтому понятен выбор именно этого произведения А. Каушутова для перевода (который осуществил с русского языка П. П. Нельговский). Роман “У подножия Копет-Дага” завершал публиковавшиеся в 50-е годы переводы произведений, представлявших старшее, первое, поколение туркменской советской литературы.

Новый всплеск интереса к туркменской литературе произошел под конец 60-х годов. С одной стороны, единение советских литератур переходило от формальных отношений к непосредственному общению писателей, проведению недель, декад республиканских культур в других республиках, к личному ознакомлению с творчеством писателей. Во-вторых, “хрущевская оттепель” так или иначе охватила все литературы народов СССР, в частности и туркменскую, поэтому использовалась

возможность подкрепить идеи так называемого шестидесятничества в украинском общественном сознании произведениями писателей из других республик. Все переводы с туркменского 60-х годов выходят теперь уже в издательстве “Днипро”.

Именно такими знаковыми для десятилетия произведениями стали романы Берды Кербабаева “Небит-Даг” и “Чудом рожденный”. Первый из названных романов [Кербабаев 1968] для поверхностного взгляда может показаться образцом уже избитого на тот момент производственного романа. И действительно, писатель воспроизводит создание нового города нефтяников Небит-Дага – реального гиганта туркменской промышленности, в котором он провел бок о бок с его тружениками целых три года. Но едва ли не главная роль в произведении отводится ранее запрещенной проблеме – проблеме человечности руководителя, который должен осознавать себя не слугой вышестоящего начальства и господином для подчиненных, а слугой народа, солью родной земли. Извечные гуманистические идеалы, носителем которых является старшее поколение, дают возможность решить эту проблему.

Авторизованный перевод романа по русскому изданию стал результатом усилий Анны Игнатенко, лично знакомой с писателем, и Мирославы Лещенко. Именно А. Игнатенко стала автором предисловия “Только вперед!” [Игнатенко 1968], в котором развернуто изложила биографию писателя, его становление как поэта, путь к прозе, создателем, зачинателем которой в туркменской литературе стал Б. Кербабаев. Коллизии в противостоянии юного писателя с учителем-муллою автор предисловия сравнивает с подобными коллизиями в отношениях Тараса Шевченко и его дядяка-учителя. Отдельно переводчица останавливается на глубоком анализе романов “Решающий шаг” и “Небит-Даг”. Завершается же предисловие восьмистишием туркменского писателя, переведенным А. Игнатенко на украинский язык. Особое внимание автор предисловия обратила на сравнение Кербабаевым писательского труда с ковродельческим искусством: фальшь хотя бы в одном слове бросается в глаза точно так же, как и один неверный узелок среди миллиона в ковре. Этот роман издан в хорошем твердом переплете, со стилизованными в туркменских традициях силуэтами.

Роман “Чудом рожденный” также стал результатом переводческого труда Анны Игнатенко [Кербабаев 1969]. Вышел он в серии “Романы и повести” – украинском аналоге всесоюзной “Роман-газеты”. В отличие от общесоюзной серии, книги украинской печатались в обычном книжном формате, но также не отличались особыми типографскими изысками – это была обыкновенная склейка на два-три чтения, после чего начинала рассыпаться. Такая печать оправдывалась, зато, оперативностью издания: если между предыдущими публикациями переводов и оригиналами могли пройти годы, иногда больше десятка-полтора лет, то “Чудом рожденный” переводился, что называется, с колес. Ведь еще в предисловии к предыдущему роману, в 1968 г., А. Игнатенко указывала, что Б. Кербабаев завершает работу над романом об Атабаеве. А уже в следующем году вышел украинский перевод этого произведения. С одной стороны, “Чудом рожденный” мог считаться идеологически “правильным” романом, так как речь шла о вожде пролетарской революции в Туркменистане. С другой – для украинского читателя он был ценен тем, что в нем повествовалось о настоящем народном вожде, которого репрессировали, а украинские реалии 60-х характеризовались широкой волной частичной реабилитации собственных деятелей политики, культуры, искусства. Чаще всего это были лучшие сыновья украинского народа. Образ такого лучшего сына туркменского народа, не признававшего ради его блага никакой демагогии, воплощен в “чудом рожденном” Кайгисизе Атабаеве.

Еще одно издание 1960-х годов – сборник двух повестей Наримана Джумаева “Тихая невестка” и “Год жизни” с общим названием по первой из них [Джумаев 1968]. В конце книги дается краткая справка “Об авторе” [Про автора 1968], традиционно – анонимная. В обеих повестях поднимается уже привычная и для туркменской, и для украинской литературы проблема эмансипации женщины, ее равноправного

вхождения в жизнь не только семьи, но и общества в разнообразных его сферах. Одновременно, утверждается в повестях Джумаева, женщина не должна терять своей женственности. Парадоксально: в отличие от других восточных стран, женщина в Туркменистане никогда не была абсолютно бесправной, так или иначе принимала активное участие во всех делах семьи и рода, но, возможно, это стало основной причиной того, что туркменские писатели (по абсолютному преимуществу – мужчины) так широко и глубоко ведут разговор о проблемах гендерного равноправия и сотрудничества. Не могло не привлекать украинского читателя и то, что повести Джумаева были своеобразными любовными поэмами, тонко, тактично передавали все незабываемые нюансы высокого чувства. Но и не идеализировали отношения, воссоздавали всю их сложность, которую никак нельзя уложить в формальные нормы адата или новой морали. Особенно это касается “Тихой невестки”, в которой чувствуются незримые параллели с “Джамилей” Чингиза Айтматова.

В 70–80-е годы партийное руководство и спецслужбы создают большой негласный список непечатаемых писателей и запрещенных тем. Но издавать переводы многим из табуированных авторов разрешалось. Не очень вникали партфункционеры и в тексты переводимых произведений из литератур народов СССР, так как в целом такие переводы вполне вписывались в утвержденные идеологические догмы. Это давало возможность печатать те произведения авторов из других республик, в которых поднимались запрещенные для украинских писателей темы и проблемы.

А начинались переводы 70-х с непрезентабельного издания комедии классика туркменской драматургии Гусейна Мухтарова “Чертово племя” [Мухтаров 1971]. В плане полиграфии это самое примитивное издание: перепечатанные на ризографе страницы формата А4; текст набирался на печатной машинке с двойным интервалом, часто встречаются исправления в тексте букв сверху над неправильными и т. д. Обложка мягкая, чуть-чуть плотнее от страниц основного текста, слабая склейка страниц. Тираж тоже небольшой – всего 500 экземпляров. Объяснение такому невысокому уровню оформления издания можно найти в том, что печаталось оно без издательства, по заказу Главного управления театров и музыкальных заведений Министерства культуры УССР. Очевидно, пьеса Г. Мухтарова должна была использоваться “для внутреннего потребления”, т. е. в театрах для расширения репертуара. Для любого читателя, в том числе и украинского, проблемы межличностных и семейных отношений всегда близки. Если сюда добавить динамику, напряженность внешнего и внутреннего сюжета, то этим можно объяснить обращение театральной общественности и переводчика Алексея Корниенко к этой пьесе. Больше к отдельным изданиям драматургии Туркменистана украинские переводчики не прибегали, хотя еще одна пьеса Г. Мухтарова увидела свет в Украине. С одной стороны, драма не самое сильное направление в туркменской литературе, с другой – можно отметить “зацикленность” украинских переводчиков, да еще через посредство русского языка, почти исключительно на эпических произведениях.

Так, в 1976 году выходит очередной роман Б. Кербабаева “Капля воды – крупица золота” [Кербабаев 1976]. Перевела его на украинский язык Мирослава Лещенко, которая не впервые обращается к ретрансляции текстов туркменского классика. Изображение на твердой обложке старого туркмена, который подносит к лицу в пригоршнях бесценную воду, дает понять, что это произведение о строителях Каракумского канала. Но не только. Традиционно для Кербабаева решается много проблем межличностных взаимоотношений, вскрываются недостатки общественного строя, воспевается героизм человека-труженика.

Знакомство украинского читателя с представителями старшего поколения туркменских прозаиков завершается в 1981 году изданием объемного романа Беки Сейтакова “Братья” [Сейтаков 1981], который можно бы назвать эпопеей. Произведение было завершено еще в начале 60-х годов, но именно в 70–80-е возрастет спрос на большие по объему тексты, в которых воспроизводится жизнь многих персонажей

на протяжении длительного времени, эпохальные события, чаще всего – времен гражданской и Второй мировой воен. Способствовали печатанию Беки Сейтакова и факты его активного участия в развитии украинско-туркменских литературных связей. Писатель переводил на родной язык стихотворения Тараса Шевченко, также в его переводе на туркменский язык вышел роман Олеся Гончара “Знаменосцы”. Революционная тематика отразилась в силуэтах всадников с винтовками, изображенных на твердой обложке книги. Переводили книгу два автора – Лидия Чубасова и Юрий Герасименко, для которого это был не единственный перевод с туркменского. Издание сопровождалось предисловием туркменского автора Джоры Аллакова, которому не составило труда профессионально изложить биографию Сейтакова, проанализировать его творчество, сосредоточившись, понятно, на особенностях романа “Братья” [Аллаков 1981].

Однако в 70–80-е к украинскому читателю приходят также произведения писателей-туркмен младшего поколения. Первой ласточкой стало издание в 1975 г. книги двух произведений Бердыназара Худайназарова “Люди песков” [Худайназаров 1975]. Изображение на первой странице твердой обложки плачущей женщины и старого туркмена с письмом-треугольником в руках готовит читателя к тому, что в романе “Люди песков” речь будет идти о тяжелых буднях военных лет в каракумских песках. Автор предисловия “Новое открытие Каракумов” [Белов 1975] Юрий Белов был лично знаком с Худайназаровым, его творчеством и миропониманием, поэтому он акцентирует внимание на огромной любви писателя ко вроде бы однообразным пескам родного Туркменистана, на его умении поэтического описания пустыни в разные времена года и суток, органического единения человека и родной природы. О проблематике повести “Сормово-27” читателя информирует изображение экскаватора и земснаряда на последней странице обложки: в произведении повествуется о прокладывании канала, а “Сормово-27” – это мощнейший земснаряд. Перевел роман и повесть с русского на украинский уже известный нам Юрий Герасименко.

Еще одна эпопея в двух томах в духе “Решающего шага” Б. Кербабаева и “Братьев” Б. Сейтакова, – о перипетиях дореволюционных и послереволюционных лет, о романтике “переустройства” старого мира, о военных сражениях, – только еще больше по объему, вышла в 1982 и 1984 годах [Дер’яев 1982; 1984]. Автором “Судьбы” был туркменский писатель младшего поколения Хыдыр Дерьяев, перевел книгу на украинский Аполлинарий Мацевич. Очевидно, Мацевич был и автором (хотя это нигде не указано) пояснительного словаря – одинакового и внушительного для обоих томов.

Несмотря на то что 70-е годы называют эпохой застоя, в деле знакомства украинского читателя с туркменской литературой можно отметить целый ряд инноваций и оригинальных явлений. Во-первых, к издательству “Днипро” добавляется еще одно – “Молодь”, республиканское комсомольское издательство, а также издательство республиканского Союза писателей “Радянський письменник”. Название первого из них указывает на то, что в нем издавали прежде всего произведения молодых авторов, хотя возрастное деление часто было условным. Во-вторых, с 70-х начинают издавать переводы туркменских стихотворений, что требовало значительного переводческого мастерства, поэтому к изданиям привлекали известных, маститых поэтов. В-третьих, часто туркменские произведения выходили в созданных тогда сериях “Сокровищница братских литератур” и “Братство”, т. е. дело перевода было поставлено на организованные, системные рельсы.

Первой книгой туркменских стихов на украинском языке стало издание сборника Анны Ковусова “Материнские руки” в 1976 году [Ковусов 1976]. Автор предисловия “Певец пустыни и весны” [Сингаївський 1976], видный украинский поэт, создатель текста известной песни “Чорнобривці”, Микола Сингаївський был лично знаком с А. Ковусовым, поэтому предисловие вышло таким предметным и проникновенным.

Именно из предисловия мы узнаем о том, что туркменский поэт “кровенно” связан с Украиной: здесь он воевал, был тяжело ранен, а затем его выходила украинская женщина, вторая мать для Ковусова. Именно поэтому сборник и назван “Материнские руки” – по стихотворению, посвященному этой женщине, уже покойной в год издания книги. Туркменский поэт дружил с украинским поэтом, тоже фронтовиком, Платоном Воронько, посвятив ему стихотворение с соответствующим названием – “Платону Воронько”.

Неудивительно, что Анна Ковусов посвятил Украине целый цикл стихотворений, часть из которых была переведена и в сборнике: “Под Винницей”, “Лукашевка” (название села, где поэта ранили и где его выходили), “Возле братской могилы”, “Украине”, “Тяжело вперед продвигаться было...”, “Возле приемника”, “Мой побратим”, “Село в долине”, “Перед памятником Т. Г. Шевченко в Ашхабаде” (памятник только-только был открыт в столице Туркмении). А еще были стихотворения, не переведенные на украинский язык: “Днепр”, “Киевские огни” и “Материнские руки”, давшие название сборнику, но так и не вышедшие на украинском. Всего переведено было 72 стихотворения Анны Ковусова, а также его поэма “Мой аул” (переводчик – Г. Коваль). К переводам лирических стихотворений привлекли лучших украинских поэтов – классиков и перспективную молодежь: Мыколу Сынгаивского, Дмитра Павлычко, Романа Лубкивского, Павла Мовчана, Платона Воронько, Станислава Тельнюка. Также участвовал в издании сборника известный поэт и переводчик Абрам Кацнельсон, талантливый переводчик Валерий Бойченко.

Особо следует отметить двух украинских поэтов. Павло Мовчан был лично знаком с реалиями Туркмении, где он работал геологом, укрываясь от преследований. А Владимир Забаштанский, в юности трагически потерявший глаза и руки, на протяжении всей своей творческой жизни был тесно связан с туркменской литературой. Именно он станет автором перевода 25 стихотворений Керима Курбаннепесова из 78-ми в сборнике за 1981 год “Стихотворения” [Курбаннепесов 1981]. В издании принимали участие также известные поэты Борис Олийнык (6 стихотворений), Петро Засенко (5), Виктор Терен (2), Дмитро Онкович (1), профессиональные переводчики Степан Литвин (3), Валерий Бойченко (5), Мыкола Братан (3), Владимир Коломиец (4), Татьяна Майданович (2). И, конечно же, Александр Шугай, который осуществил перевод 11 стихотворений Курбаннепесова и поэмы “Дед Таймаз”. А. Шугай был лично знаком с туркменским поэтом, не раз бывал в Туркменской ССР, именно он был инициатором перевода его произведений на украинский язык и автором предисловия “Углубленный в жизнь” [Шугай 1981], в котором он акцентирует внимание на фронтовых связях поэта-туркмена с Украиной, на его особой любви к украинским песням. Также анализируется поэма “Дед Таймаз”, которую переводчик ставит в широкий контекст подобных произведений других советских литератур, не упоминая, к сожалению, о туркменских ее истоках – об эпосе о деде Коркуте.

Еще одно новшество 70-х – создание антологий, в том числе и туркменской литературы. Первой среди них стала в 1977 году антология молодой поэзии Туркменистана “Зеленые барханы” [Зелені бархани... 1977], издание которой было тоже инициировано Александром Шугаем. Но сам он на себя не взял смелость быть составителем антологии или автором предисловия. И кажется вполне оправданным, что поручено это было тем, кто досконально знал современную туркменскую поэзию, – самим туркменам. Автором предисловия “Сажены наберают рост” [Худайназаров 1977], в котором украинский читатель кратко знакомится с “табелем о рангах” поэтов Туркмении 70-х годов, с переводами на туркменский стихов Т. Шевченко и И. Франко, узнает о памятнике Шевченко в Ашхабаде и библиотеке имени Махтумкули в Киеве, стал уже известный украинскому читателю Бердыназар Худайназаров, а составителем – один из авторов антологии Аннаберды Агабаев. Всего же в книге представлены 33 туркменских поэта, среди них такие известные, как

Курбанназар Эзизов, Байрам Джутдыев, Италмаз Нурыев и другие. Нельзя не отметить и тот факт, что в антологии также широко представлена “женская” поэзия Туркменистана – 6 авторов, и среди них Биби Ораздурдыева и Бибизара Хатызова.

В переводах вышли от двух до десяти стихотворений каждого из всех туркменских поэтов. Преимущественно у них был “свой” переводчик, но в нескольких случаях переводчиков было два, один раз – три. Также по большей части “мужскую” поэзию переводили мужчины, “женскую”, соответственно, – женщины, но, опять же, не всегда. К переводам было решено привлечь только поэтов с именем: хорошо уже знакомых Владимира Забаштанского, Мыколу Сынгаивского, а также Ивана Драча, Владимира Затулывитра, Ганну Чубач, Тамару Коломиец, Наталью Кашук, Владимира Лучука, Петра Перебыйноса, Бориса Чипа, Петра Засенко, Дмитра Чередниченко, Олеся Лупия. Исключение составлял один профессиональный переводчик – автор идеи издания антологии Александр Шугай. Строилась антология по унифицированному принципу: давалась краткая биографическая справка о каждом туркменском поэте приблизительно на полстраницы, после этого печатались переводы.

Следует также упомянуть своеобразную антологию туркменского искусства – “репертуарный сборник” “Голоса Туркмении”, напечатанный для коллективов художественной самодеятельности в соответствующем издательстве – “Мыстецтво” [Голоси Туркменіі 1978]. Этот сборник давал широкое представление о современной туркменской культуре – поэзии, песне, драматургии, хореографии. Можно было использовать как отдельные произведения в композициях о дружбе народов СССР, так и провести целый вечер, посвященный исключительно Туркмении. О его значимости и профессиональности свидетельствовало уже то, что руководителем редакционной коллегии был известный композитор-классик Александр Белаш. Кроме перевода большого количества стихов и песен, в книге представлен текст очередной драмы Гусейна Мухтарова “Красавица” в переводе известного украинского писателя-юмориста Олега Черногуза (с. 78–120), а также постановка и запись народного танца “Натыляр” (с. 121–137) и туркменского бального танца в постановке М. Ахундова (с. 138–148).

Но вернемся к чисто литературным антологиям. Следующим шагом стал сборник “Туркменский советский рассказ” [Туркменське радянське оповідання 1984], вышедший в 1984 году без предисловия или послесловия. Составителем антологии стал уже известный украинскому читателю Джора Аллаков, автор предисловия к переводу романа Б. Сейтакова “Братья”. В сборник вошли лучшие образцы туркменской “малой прозы”, созданные представителями разных поколений: Берды Кербабаевым, Атой Каушутковым, Беки Сейтаковым, Нурмурадом Сарыхановым, Курбандурды Курбансахатовым, Тиркишем Джумагельдыевым, Нариманом Джумаевым – всего 33 автора, и среди них одна женщина – Сона Язова. В издании принимали участие 11 переводчиков. Не было никакого указания, с какого языка и по каким изданиям переводились рассказы туркменских авторов, но можно предположить, что традиционно – по русским текстам. Кажется, только один переводчик, Григорий Халимоненко, мог быть знаком с туркменским языком и, соответственно, сверять свой перевод с оригиналами.

Завершала череду антологий туркменской литературы книга “Современная туркменская повесть” [Сучасна туркменська повість 1986], составителем которой стал к тому времени уже хорошо известный в Украине как автор повестей и рассказов Тиркиш Джумагельдыев. От предыдущей антологии эта отличалась по строению разве тем, что всего на одну страницу были даны краткие биографические справки о пяти туркменских авторах повестей (с. 334). Каждый из авторов представлен одной повестью: историческим вымыслом о жизни Махтумкули “Приглашение” пера Курбандурды Курбансахатова; повествованием Бердыназара Худайназарова “Глаза следопыта” о противостоянии скотоводов природной стихии, “тяжелому снегу”, в

Каракумах; “Спором” Тиркиша Джумагельдыева о сложных перипетиях и антиномиях социального и национального на туркменских просторах в годы гражданской войны и двумя произведениями о проблемах простого туркменского труженика-современника – “Наследник” Анны Пайтык и “Мой дом – пустыня” Алаберды Хаидова.

Тиркиш Джумагельдыев, который не довольствуется изображением внешних сторон жизни, отражает всю сложность человеческих отношений, драматизм, а иногда и трагичность морально-этического выбора, чистоту молодых чувств и подлость, предательство, вообще становится в 80-е годы самым популярным туркменским писателем в украинских изданиях. Кроме рассказов и повести в указанных выше антологиях, его сборники повестей дважды выходили в этот период: в 1982 году в переводе “сроднившегося” с туркменской литературой Владимира Забаштанского были напечатаны повести “Земля помнит все”, “Калым” и “Свет горел до утра” под общим названием по первой из них [Джумагельдыев 1982] и в 1990 году – роман “Побег” и повесть “Настырный” с общим названием по роману [Джумагельдыев 1990]. Образ “чудака”, прозванного Настырным из-за его постоянной настроенности жить как положено, “по-человечески”, и требующего этого от остальных, невзирая на должности и звания, пользовался любовью у “перестроечного” читателя, что объясняет причину издания книги в непростой 1990 год. “Непростые” времена отразились на полиграфии книги: она вышла в мягкой обложке, в “карманном” формате.

Как видим, украинское переводчество никак не может похвастать таким большим количеством изданий туркменской литературы, как в переводах на русский язык, но дает возможность отечественному читателю достаточно полно ознакомиться с основными свершениями туркменской литературы XX века. Прежде всего это касается прозы, предстающей перед украинским читателем во всем многообразии жанров, тем, проблем, национального колорита. Значительно менее представлена туркменская лирика, а также драматургия. Едва ли не главная проблема для украинско-туркменских связей – отсутствие переводов классической дореволюционной литературы.

Первой и единственной ласточкой, не делающей погоды, стало издание в 1983 году стихотворений Махтумкули (Магтымгулы) [Махтумкули 1983] в переводах известного украинского поэта, лауреата Национальной премии им. Т. Г. Шевченко Павла Мовчана, работавшего некоторое время в Туркменистане геологом и поэтому хорошо знавшего культуру, быт, нравы этого экзотического и одновременно близкого края. Всего П. Мовчан перевел 117 произведений Махтумкули, к сожалению, не из оригинала, а по подстрочнику. Тем не менее переводчику удалось очень точно, не хуже, а может быть, и лучше русских переводов, воспроизвести содержание стихов классика туркменской литературы, а по большей части – и формальное совершенство произведений Махтумкули. Поскольку было очень трудно найти украинского ученого или литератора, который был бы досконально знаком с творчеством великого туркмена, то Павло Мовчан сам написал развернутое предисловие [Мовчан 1983], в котором дал широкое представление о личности Махтумкули, о сложной эпохе, в которую он жил, и, конечно, об основных мотивах, проблемах его творчества – от любви к родному краю и незабываемой Менгли до суфийских влияний и символики.

После 1991 года нарушились не только политические и экономические связи на постсоветском пространстве (они как раз очень скоро по большей части были восстановлены), но и культурные. Если говорить о переводах с туркменского языка на украинский, то эти межкультурные связи можно считать почти совсем не восстановленными до сих пор. За это время разве что выходили в 2000-х переиздания сборника Махтумкули в переводах П. Мовчана без каких-либо изменений и дополнений. Исключением является последнее издание за 2014 год, в котором в предисловии писатель внес некоторые изменения, прежде всего устранил неточности

относительно даты рождения Махтумкули, некоторую “советскую”, обязательную ранее, заидеологизированность в интерпретации творчества великого туркменского поэта. Кажется, пришла пора возродить благородное дело ознакомления украинского читателя с сокровищницей туркменской литературы. Первым важным свершением в этом деле стала книга переводов народного героического эпоса, классической и современной туркменской лирики, которую подготовил к изданию Алексей Кононенко.

Самым большим вкладом 2014 года в украинское магтымгульведение и украинскую туркменологию, несомненно, стала книга “Великий поэт великого народа” [Великий поэт... 2014], составителем и переводчиком которой стал Алексей Анатолиевич Кононенко – известный украинский поэт, прозаик, переводчик, журналист, сценарист и режиссер, который на протяжении многих лет имеет тесные культурные связи с Канадой, Беларусью, Грузией, Азербайджаном, а также Туркменистаном. Значение книги трудно переоценить. Можно утверждать, что она была необходима для украинского читателя издавна. Не только и даже не столько как весомый источник для ознакомления с жизненным и творческим путем Магтымгулы Пырагы, а прежде всего – как хрестоматия истории туркменской литературы, которая дает базу для дальнейшего изучения и исследования литературы туркменского народа.

Издание “Великий поэт великого народа” нельзя назвать идеальным. Так, переводчик не указывает, по каким источникам он интерпретирует произведения, в частности это касается огузского героического эпоса “Героглы” и “Книги моего деда Коркута”. Но составитель-переводчик впервые представляет на украинском объемные фрагменты (по нескольку авторских листов) этих выдающихся памятников тюрк-огузов. Приведение в содержании рядом с “Книгой моего деда Коркута” обозначения “В. В. Бартольд” дает основание считать, что перевод тюркского эпоса осуществлялся с русского языка, то есть не из оригинала, но у широкого украинского читателя наконец появляется возможность первого знакомства с жемчужинами героического эпоса огузов.

Также для читателя стали доступными произведения классической туркменской литературы: Магтымгулы (38 стихотворений в переводе Алексея Кононенко и одно – в переводе Оксаны Боженко), по одному стихотворению Кемине, Зелили, племянника Пырагы, Кятиби, Молланепеса, Мятаджи и Мискинклыча (все – в переводе А. Кононенко). Отдельно стоит отметить смелость составителя, которого не испугали трудности интерпретации лирики Довлетмамеда Азади – отца Магтымгулы. И пусть “Притча о шахах” занимает всего четыре страницы, даже она дает возможность хотя бы частично проникнуть в художественный мир Азади.

В украинских переводах за предыдущих полстолетия вышли в печати немало произведений туркменской советской литературы, в том числе и лирических. Но переводы лирики Б. Кербабаева, Б. Худайназарова, К. Курбаннепесова, О. Аннаева, А. Алланазарова, А. Атабаева и других туркменских поэтов советской и постсоветской эпохи никак не кажутся лишними, существенно расширяя границы знакомства украинского читательского круга с лучшими образцами туркменской поэзии XX–XXI веков. Особенно если учесть, что перед текстами стихов представлены короткие биографические справки о туркменских художниках слова.

Для человека, который впервые встречается с произведениями незнакомой литературы, очень важно самостоятельно сориентироваться относительно их особенностей, места и роли в истории национальной и мировой литературы. Поэтому А. Кононенко не ограничился только художественными текстами, дополняя их справочными материалами и научно-публицистическими работами. Так, после объемной подборки дореволюционной, советской и современной лирики в украинских переводах представлена информационно насыщенная “Историческая справка” о прошлом и настоящем Туркменистана (с. 121–134), «Этимология названия

“туркмены”» (с. 135–137), туркменская “летопись” Абу-л-гази “Родословная туркмен” (с. 138–186), которая становится своеобразным вступлением к произведениям героического эпоса.

Но больше всего научно-справочного материала предоставляется для глубокого ознакомления с биографией и творчеством Магтымгулы Пырагы, его значением для туркменского народа и мировой культуры. Открывается подборка проникновенной статьей президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова “Махтумкули – духовный целитель человеческой души” (с. 5–8), в которой речь идет об общетуркменском и мировом величии поэта. После нее идет основательное изложение биографии, идейного содержания и формальных особенностей поэзии Магтымгулы. Составитель осознает, что лучше всего это могут сделать соотечественники поэта, поэтому вводит в книгу короткий литературный портрет Аннагурбана Аширова “Махтумкули Фраги” (с. 9–20). Только после этого А. Кононенко представляет собственный материал, в котором приводит оценку наследия Магтымгулы со стороны выдающихся деятелей искусства и исследователей творчества поэта, а также подает компактную информацию о суфизме и его влиянии на лирику Пырагы, так как А. Аширов почти не затрагивает этой проблематики. Но и это еще не все. На последних страницах книги составитель дает перевод работы одного из “первооткрывателей” Магтымгулы для европейцев Арминия Вамбери “Путешествие в Центральную Азию” (с. 187–202), правда, не уточняет, по какому источнику переводится текст (надо думать, по изданию 1886 года все на том же русском языке).

Книга “Великий поет великого народу” стала, с одной стороны, достойным подведением итогов того, что сделали украинские переводчики и издатели в деле популяризации туркменской литературы в Украине, а с другой – началом нового этапа системного, на научной основе, исследования и переводов произведений туркменских писателей для украинского читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллаков Дж. Літопис революції // Сейтаков Б. **Брати: Роман**. Київ, 1981.
- Берди Кербабаяев (Біографічна довідка) // Кербабаяев Б. **Вирішальний крок: Роман**. Київ, 1953.
- Белов Ю. Нове відкриття Каракумів // Худайназаров Б. **Люди пісків: Роман. “Сормово-27”: Повість**. Київ, 1975.
- Великий поет великого народу: до 290-річчя з дня народження Махтумкулі** / Упор. та пер. укр. мовою О. А. Кононенка. Донецьк, 2014.
- Голоси Туркменії: Репертуарний збірник** / Упор.: В. І. Пепа; Ред. кол.: О. Білаш та ін. Київ, 1978.
- Дер'яєв Х. **Доля: Роман у двох томах**. Том перший. Київ, 1982.
- Дер'яєв Х. **Доля: Роман**. Том другий. Київ, 1984.
- Джумагельдієв Т. **Земля пам'ятає все: Повісті**. Київ, 1982.
- Джумагельдієв Т. **Втеча: Роман, повість**. Київ, 1990.
- Джумаєв Н. **Тиха невістка: Повісті**. Київ, 1968.
- Зелені бархани: Молода поезія Туркменії**. Київ, 1977.
- Ігнатенко Г. Тільки вперед! // Кербабаяев Б. **Небіт-Даг: Роман**. Київ, 1968.
- Каушуттов А. **Коло підніжжя Копет-Дагу: Роман**. Київ, 1957.
- Кербабаяев Б. **Вирішальний крок: Роман**. Київ, 1953.
- Кербабаяев Б. **Айсолтин з країни білого золота: Повість**. Київ, 1954.
- Кербабаяев Б. **Небіт-Даг: Роман**. Київ, 1968.
- Кербабаяев Б. **Чудом народжений: Роман**. Київ, 1969.
- Кербабаяев Б. **Краплина води – крупинка золота: Роман**. Київ, 1976.
- Ковусов А. **Материнські руки: Поезії**. Київ, 1976.
- Курбаннепесов К. **Поезії**. Київ, 1981.
- Махтумкулі. **Поезії** / Пер. з туркм. та передм. П. Мовчана. Київ, 1983.

- Мовчан П. Співучі лінії пісків // Махтумкулі. **Поезії** / Переклад з туркм. та передм. П. Мовчана. Київ, 1983.
- Мухтаров Г. **Честь сім'ї (Сім'я Аллана): П'єса на 4 дії.** Київ, 1953.
- Мухтаров Г. **Чортове плем'я: Комедія на три дії.** Київ, 1971.
- Нурмурат Сариханов // Сариханов Н. **Остання кибитка: Оповідання.** Київ, 1953.
- Про автора // Джумаєв Н. **Тиха невістка: Повісті.** Київ, 1968.
- Сариханов Н. **Остання кибитка: Оповідання.** Київ, 1953.
- Сейтаков Б. **Брати: Роман.** Київ, 1981.
- Сингаївський М. Співець пустелі і весни // Ковусов А. **Материнські руки: Поезії.** Київ, 1976.
- Сучасна туркменська повість** / Упор. Т. Джумагельдієв. Київ, 1986.
- Тангрибердієв Х. Караванбаші туркменської радянської літератури // Кербабаєв Б. **Вирішальний крок: Роман.** Київ, 1972.
- Туркменське радянське оповідання** / Упор. Д. Аллаков. Київ, 1984.
- Худайназаров Б. **Люди пісків: Роман. "Сормово-27": Повість.** Київ, 1975.
- Худайназаров Б. Саджанці набирають зросту // **Зелені бархани: Молода поезія Туркменії** / Укл. А. Агабаєв. Київ, 1977.
- Шугай О. Заглиблений у життя // Курбаннепесов К. **Поезії.** Київ, 1981.